

Вильям Шекспир

(1564—1616)

Великий английский драматург Вильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года в провинциальном городке Стратфорде. Он провел здесь годы детства и юности (в его комедии «Виндзорские юдушки» читатель найдет картину из жизни тех провинциальных горожан, к которым принадлежали родители Шекспира). Здесь учился он в школе, а также, конечно, еще с детских лет, — прислушивался к народным песням и балладам, к живой народной речи, приобретая тот драгоценный материал, который впоследствии обогатил мощный, картинный, поэтический язык его бессмертных произведений.

Еще молодым человеком Шекспир, по преданию, бежал из Стратфорда, спасаясь от преследований местного крупного помещика. Он пошел в Лондон, где примкнул к актерской труппе. Временами эта труппа совершала провинциальные туры, играя и во дворах гостиниц и в аристократических замках (вспомним «Гамлета», где в пыльный Эльсинор врываются странствующие актеры). Постоянным местопребыванием труппы был Лондон. Спектакли шли под открытым небом. Шумная народная толпа обступала с трех сторон полукругом сцены. С этих полукругов знаменитый трагик Ричард Барбедж, друг Шекспира, восхищал зрителей в ролях «молодого Гамлета, опечаленного мавра (Отелло), доброго Ли-

ра», как гласит написанная на смерть Барбеджа элегия. Шекспир выносил свое творчество на широкий суд.

Мы так мало знаем о Шекспире, что трудно даже приблизительно представить себе, каким он был в жизни. Но произведения его красноречиво говорят о том, что он читал много и разнообразно, что он действительно работал над собой. Не случайно современники называли его «трудящимся современником» (трудящийся современник). Его произведения также говорят нам, что он не просто «созерцал», но познавал жизнь, неустанно и пристально вглядываясь в окружающую его действительность.

Это была эпоха кипучего оживления во всех областях человеческой деятельности, бурного развития торговли, роста городов, развития мореплавания, замечательных географических и научных открытий. Это было время, когда рождалось новое сознание и, вместе с тем, новое искусство, по определению Энгельса, — «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством». Как бы порвалась причудливая ткань таинственных мистических легенд, сохранившая веками нераздельного господства католицизма и застилавшая от человеческих глаз мир реальной действительности; рассеялся туман схоластической философии с ее абстрактными «вечными истинами». Действительность как бы обнажилась перед взором мыслителей, художников, писателей. «Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человечеству», — так охарактеризовал Маркс

философию современника Шекспира Бэкона. Печать этой же улыбки лежит как на картинах живописцев итальянского Ренессанса, так и на произведениях той реалистической драматургии конца XVI и начала XVII веков, которая расцвела тогда в Англии и ярче всего воплотилась в творчестве Шекспира.

«Читайте его снова и снова!» — писали о Шекспире редакторы первого собрания его пьес (1623 г.), его товарищи по сцене — Хеминдж и Кондель. Чем больше перечитываем мы Шекспира, тем больше восхищает нас преизбыток жизни в его произведениях. В них жизнь как бы переливается через край. Вспомним, например, его исторические «хроники». В них и прозные монологи и ярко комические сцены, причудливое сочетание ужасного и смешного. В них и сцены быта и жанровые картины в стиле фламандских живописцев. Перед нами проходят живые лица: храбрые воины, мудрые полководцы, спесивые рыцари, хвастающие красивыми доспехами и дорогими боевыми копыями; здесь и обалтанный кровью хищник Ричард III, и молодой повеса принц Гарри, и промотавшийся рыцарь сэр Джон Фальстаф, обжора и пьяница, безгранично радостный, воплотивший в себе то «ликование плоти», которое звучало в ту эпоху живым протестом против мистического аскетизма средневековья. И через все это многообразие проходит ясная, настойчивая мысль: Шекспир выступает в «хрониках», как сторонник объединения страны и как враг тех старозаветных лордов, которые тянули страну назад, к феодальной раздробленности.

Чем больше вчитываешься в Шекспира, тем больше убеждаешься в

том, какое горячее участие принимал он в создаваемых им лицах и событиях. Он умел любить, умел и ненавидеть. Недаром, приступая к «Генриху V», в прологе взывал он к «пламенной музе». Он восхищался большим, цельным, бескорыстным чувством Ромео и Джульетты. Он любил героинь своих жизнерадостных, солнечных комедий: и своеобразную Беатриче из «Много шума из ничего», и предприимчивую Розалинду из комедии «Как вам это понравится», и смелую Виолу из «Двухнадцатой ночи». Вместе с Гамлетом скорбел он, видя, как поруган, уничен человек парализован вокруг ложью и преступлением. Он сострадал благородному мавру Отелло, жертве происков коварного предателя Яго, восторгался доблестной Деяемой, которая, как говорит сама, не совершила бы измены даже «за целый мир». Зато как ненавидел он хищный эгоизм во всех его проявлениях. Вспомним созданные им портреты преступного короля Клавдия, лукавого Полония, притворных «друзей» Розенкранца и Гильденстерна («Гамлет»). Как возмущался он лицемерием Гонерильи и Реганы («Король Лир»). С какой беспощадностью разоблачал он предателя Яго («Отелло»). Тот факт, что созданные Шекспиром лица «существа живые» (Пушкин), что они действуют и говорят от себя и не являются примитивными рупорами в руках автора, ничего общего не имеет с тем «равнодушным созерцательным объективизмом», который деятельно навязывали «пламенной музе» Шекспира многие даже из крупнейших его комментаторов. Всегда ясно отражение Шекспира к событиям и лицам. В «Ромео и Джульетте» разоблачал он бессмысленную и тупую жестокость родовой феодальной вражды, в

«Тимоне афинском» клеймил он общество, поборное творческой силе золота, «облудницы человечества», как говорит Тимон. Живя в эпоху «утренней зари капитализма», Шекспир был свидетелем обнищания лашенных пропитания и крова широких народных масс (даже сама королева «Рыжая Бесс», после своего путешествия по Англии, воскликнула с удивлением: «Бедняки повсюду!»). И вот, вместе со старым Лиром (не в образе ли шута, носителя народной мудрости?), он вышел в темную степь, под дождь и бурю и вместе с Лиром, — вспоминая о «бедных нагих несчастливцах», становился участником народного страдания.

Творчество Шекспира — не коллекция занимательных картин. Это — борьба и, прежде всего, борьба за человека! «Какое удивительное создание человек!» — восклицает Гамлет. Через все творчество великого народного писателя основным мотивом проходит мысль о природном равенстве людей. Солнце, как читаем в «Зимней сказке», озаряет и дворец вельможи, и хищину бедняка. Любовь, проявление самой природы, соединяют черного Отелло и белую Деяемону...

Гуманистические идеалы Шекспира сталкивались в практическом противоречии с окружающей его действительностью, в противоречии, в эту эпоху не разрешимом (отсюда кажущаяся «нерешительность» Гамлета, неразрешимость для него основного вопроса). Вот почему в ходе развития творчества Шекспира сгущаются трагические сумрачные краски. И лишь в конце своего творческого пути Шекспир преодолел эти трагические мотивы. В своей последней пьесе «Бури», этой мечте о бу-

дущем человечества, он рисует мудреца Просперо (от глагола «проспер» — процветать) — процветающее человечество, победившее и темные хаотические силы природы в образе чудовища Калибана, и ее светлые полезные человеку силы в образе духа стихии Ариэля.

«Он принадлежит не одному веку, но всем временам», — писал о Шекспире его современник, драматург Бен Джонсон. Прошло три с четвертью века со дня смерти гениального гуманиста. Его творчество, — хотя и не раз оно искажалось на страницах посвященных ему трактатов и на подмостках сцены, — всегда было среди знамен передовой мысли и передового искусства. Но нигде и никогда, — ни в одной стране и ни в одну эпоху, — не умели так ценить Шекспира, как в Советском Союзе. Его пьесы идут на сценах столичных, периферийных, колхозных театров. Они идут на языках многих народов Союза. Они служат культурному росту самостоятельных драматических кружков рабочих и служащих. Его мощным искусством восхищаются советские зрители и читатели. И разве могут они, живя под счастливым небом нашей родины, не сочувствовать мудрому гуманисту, который прожил свой век, словами Гамлета, в «жесточком мире», но сумел среди жалких бродяг («голых двуногих животных», как говорит Лир) — разглядеть человека! В признании величия человека, безграничности заложенных в нем возможностей заключается жизнеутверждающая, оптимистическая сила творчества Шекспира.

М. МОРОЗОВ.
Профессор.

Москва.

И шекспировской конференции в Свердловске и в постановке трагедии «Король Лир» в Свердловском драматическом театре.